

Самолёт едва успел подняться в воздух, как замигали индикаторы вражеских истребителей. Стоило шасси оторваться от земли, как четыре боевые машины взмыли ввысь, взяв его в плотное кольцо.

Мо Яо резко наклонил штурвал под углом сорок пять градусов, и самолёт, нырнув вниз, по идеальной дуге вырвался из окружения. Истребители тут же рассредоточились, но вскоре снова бросились в погоню, зависнув по бокам и выжидая удобный момент. Как только Мо Яо выровнял курс, две машины пристроились по сторонам, а еще две заблокировали путь сверху и снизу. В кабинах истребителей уже готовились к пуску ракеты.

Мо Яо выжал предельную скорость и рванул рычаг на себя. Самолёт совершил резкий кувырок, обрушившись прямо на нижний истребитель. Раздался оглушительный удар: на такой огромной скорости противник не успел уклониться и камнем полетел вниз.

Остальные трое тут же выпустили ракеты. Мо Яо глухо рыкнул, накренив корпус влево. Истребитель, летевший с той стороны, быстро отступил, а Мо Яо, вывернув по дуге, устремился вертикально вверх, врезавшись в машину, шедшую над ним. От столкновения траектория выпущенных ракет сбилась, и одна из них угодила прямоком в правый истребитель, разнеся его в клочья.

Оставшиеся две машины держались на осторожном расстоянии. Крыло Мо Яо было изувечено, корпус опасно вибрировал — долго так не продержаться.

Он пошёл на пике, вращаясь и с силой протаранив боком один из истребителей. Второй, увидев это, поспешно отдалился и, пока Мо Яо был скован обломками, выпустил по нему две ракеты.

Мо Яо прибавил газу, вплотную прижавшись к левому самолёту, заблокировал штурвал и, распахнув фонарь кабины, выпрыгнул наружу. В то же мгновение сцепленные машины взорвались, а их обломки с шумом рухнули в океан, подняв огромные столбы воды.

Последний уцелевший истребитель долго кружил над пустынной гладью, и лишь когда море снова успокоилось, в одиночестве покинул место боя.

В тренировочном лагере на окраине Ближнего Востока Мо Сяобай весь день места себе не находил. Вечером Ши И вызвала к себе Мо Чэня. Сяобай хотел было увязаться следом, чтобы разузнать о делах старшего брата, но его перехватила Е Вэй.

Он сидел в столовой, глядя на лежащую перед ним лепешку, и пребывал в полном смятении.

Тем временем Мо Чэнь в недоумении стоял в кабинете. Е Вэй, скрестив руки на груди, расхаживала вокруг него, с ног до головы изучая его взглядом — от этого пристального

внимания по спине пробегали мурашки.

Он посмотрел на Ши И и дрожащим голосом спросил:

— Мамочка, зачем ты меня позвала?

Ши И лишь молча смотрела на него.

— Ха!

Е Вэй внезапно подала голос, заставив Мо Чэня вздрогнуть. Он резко обернулся и отступил на пару шагов.

— Ну-ну, милый, чего ты боишься? — Е Вэй подошла ближе и улыбнулась. — Эх, Чэнь-эр...

Чэнь-эр?

Мо Чэнь так испугался, что у него задрожали ноги:

— Вторая тётушка, если у вас есть вопросы, просто спрашивайте! Я клянусь отвечать честно, ничего не утаивая. Моё сердце предано организации, я всегда готов к диалогу!

Е Вэй кивнула:

— М-м, ты с детства был самым умным и рассудительным. Из всех детей я больше всего ценю именно тебя.

Умным и рассудительным? Ценю?

Мо Чэнь озадаченно застыл, глядя на неё во все глаза.

Убедившись, что парень впал в ступор, Е Вэй приподняла бровь и перешла к делу:

— Чэнь-эр, ты ведь такой умный, да и постоянно трёшься возле старшего брата и Мо Сяобая. Ты ведь наверняка всё знаешь, верно?

— А... что?

Е Вэй сделала шаг вперёд и понизила голос:

— Говори! Что сейчас на уме у Мо Сяобая?

— Какое... какое ещё уме? — Мо Чэнь ничего не понимал. — Вторая тётушка, вы о чём вообще?

Он был в полном недоумении. Е Вэй всегда говорила прямо, била не в бровь, а в глаз, а тут вдруг ходит кругами.

— Не придуривайся! Отвечай! — отрезала Е Вэй.

Мо Чэнь скривился:

— Тётушка, ну что именно я должен сказать?

— Мо Чэнь, — вмешалась Ши И, — что произошло между старшим и Сяобаем? Почему старший вдруг уехал? Разве он не души в нём не чаял?

— А! — Мо Чэнь с облегчением выдохнул, почесал затылок и забормотал: — Ну, в общем... Мо Сяобай поцеловал одну курсантку, старший разозлился... а потом Сяобай это заметил. И вот, сегодня на рассвете старший уехал.

Е Вэй подозрительно прищурилась:

— Сяобай такой простак, как он мог заметить?

Она была слишком уверена в собственном сыне: такой балбес вряд ли догадался бы, что старший в него влюблён.

Мо Чэнь виновато кашлянул:

— Сяобай иногда бывает довольно сообразительным.

Е Вэй скептически взглянула на него. Ши И продолжила:

— А дальше что? Как Сяобай отреагировал?

— Да никак, — Мо Чэнь поднял глаза и задумался. — Хотя, погодите. Он весь день ходит как в воду опущенный. Иногда обнимает себя за плечи и дрожит, косится на остальных курсантов с подозрением. Я уж начал думать, не подхватил ли он какую болезнь!

Дрожит? Аутизм? Фобия контактов? Шизофрения? Е Вэй становилось всё тревожнее:

— И это всё? Больше ничего? Старший уехал, а он даже не расстроился?

— Конечно, расстроился! Я и сам по старшему скучаю! — Мо Чэнь взмолился, глядя на Ши И:
— Мамочка, позволь мне поехать и выпуститься вместе со старшим!

— Старший разрешил тебе уехать? — спросила Ши И.

Мо Чэнь прикусил язык.

В этот момент к дверям кабинета тихо подкрался Мо Сяобай. Раздался телефонный звонок, и Ши И ответила:

— Старший, задание выполнено?

На том конце что-то ответили, и в голосе Ши И промелькнула тревога:

— Как он? Seriously?

— ...

— Лэй, скорее вези его в Рим!

Она повесила трубку. Е Вэй, заметив, что беспокойство не уходит, спросила:

— Что со старшим?

Мо Сяобай за дверью прижался ухом к дереву. Сердце у него подскочило к горлу, он сжал кулаки, ожидая продолжения. Спустя мгновение из кабинета донёлся голос Ши И:

— Старший ранен во время задания.

Не успела она договорить, как дверь с грохотом распахнулась. В кабинет ворвался бледный Мо Сяобай:

— Как старший мог получить ранение?

Это же просто убийство, не в первый раз! Старший такой сильный, как он мог пострадать?!

Сяобай не находил себе места, он метался по комнате, как ужаленный, и, подлетев к Ши И, схватил её за рукав:

— Как это случилось?!

Мо Чэнь вздрогнул от неожиданности. Е Вэй только что назвала его Чэнь-эр, что уже было пугающе, а тут еще и Сяобай ввалился — Мо Чэнь решил, что эта семейка его когда-нибудь доконает. Собравшись с духом, он тоже спросил:

— Мамочка, как старший ранен? Насколько всё плохо?

Ши И посмотрела на Мо Сяобая и тяжело вздохнула, храня молчание.

Сяобай запаниковал ещё сильнее:

— Мамочка Ши И, ну скажи же! Что со старшим?!

Е Вэй подозрительно наблюдала за его растерянным видом. Она уже открыла рот, чтобы спросить, но тут Мо Чэнь почти со слезами в голосе воскликнул:

— Мамочка, сейчас не время играть в папочкино молчание — золото! Говори скорее!

Ши И изучала выражения лиц братьев: один в панике, другой в тревоге. Это ведь именно те эмоции, которые должны быть у младших, когда с братом случается беда, верно? Она перевела взгляд на Е Вэй.

Та лишь покачала головой. Мо Сяобай всегда был беззаботным и воспринимал Мо Яо как старшего брата как нечто само собой разумеющееся. Его мысли — потёмки, а теперь, когда рядом Мо Чэнь для сравнения, она и вовсе не могла понять: братская это любовь или что-то другое?

Боится, что и он сам этого не понимает.

Е Вэй приподняла бровь:

— Мо Сяобай, разве тебе не запрещали сюда приходить? Как ты вообще тут оказался? Говори, сколько времени под дверью простоял?

Сяобай будто не слышал её. Он застыл, глядя на Ши И и ожидая ответа.

Е Вэй разозлилась: этот мелкий мерзавец посмел её проигнорировать? Ши И вздохнула:

— У старшего огнестрельное ранение левой руки. Он прыгнул с самолёта, долго пробыл в воде, рана начала гноиться. Сейчас он без сознания.

Сяобай, не дослушав, развернулся и бросился к выходу, но Е Вэй преградила ему путь:

— Мо Сяобай, ты куда собрался?

Он не ответил и попытался ловко проскользнуть мимо, но Е Вэй схватила его за руку.

— Мо Сяобай, ты что, папашу своего за воздух принимаешь?

— Мамочка, отпусти! — Сяобай вцепился в запястье Е Вэй и с силой сжал. Она не ожидала от него такой прыти, от боли выступил холодный пот. Е Вэй мгновенно вывернула его руку за спину и рявкнула:

— Мо Сяобай! Ты с ума сошёл?! Смеешь поднимать руку на мать?!

Его рука была заломлена, но ноги продолжали беспорядочно брыкаться:

— Мамочка,пусти! Я хочу в Рим!

Е Вэй пришла в ярость:

— Ты что, совсем от рук отбился от вседозволенности? Это тренировочный лагерь, а не базар!

— Я хочу уйти! Я хочу в Рим! Я хочу к старшему! — взревел Сяобай, выплёскивая всю тревогу и беспомощность последних дней. С того самого момента, как старший внезапно исчез, он хотел его найти, но всё это время подавлял чувства, оставаясь в одиночестве в этом лагере.

Теперь, когда старший ранен, он не мог оставаться здесь ни минуты.

Он хотел увидеть его, хотел спросить: Ты ведь всегда баловал меня? Всегда оберегал, как зеницу ока? Почему уехал, даже не попрощавшись? Почему ничего не сказал?!

Как ты мог... уехать?

Как ты мог оставить меня здесь одного!

Чем больше Сяобай думал об этом, тем обиднее ему становилось. В его узких персиковых глазах заблестели слёзы. Его не покидало смутное ощущение, что его бросили.

Словно он был изящной игрушкой: хозяин сначала души в ней не чаял, носил на руках, а потом, когда она наскучила, просто забросил в угол и даже смотреть не хочет.

Сейчас Сяобай чувствовал себя именно такой выброшенной игрушкой, а Мо Яо — тем самым хозяином, который столько лет бережно хранил его, а теперь в одночасье стал чужим.

Е Вэй, увидев, как покраснели его глаза, усмехнулась:

— Ой, Мо Сяобай, как же ты переживаешь! Подумаешь, брат! У тебя их вон сколько! Нет старшего — есть младший, кузены, Кака, в конце концов, тоже почти брат. Ты самый младший, тебя все обожают. Неужели стоит так убиваться?

— Кто сказал, что я переживаю?! Я вовсе не переживаю! — Сяобай вытаращил глаза. — Он меня бросил, чего мне о нём переживать!

Бросил?

Е Вэй присмотрелась к нему:

— Старший уехал по заданию, чего ты ведёшь себя как брошенная жена? Ещё и про «бросил»

твердишь! — она покровительственно похлопала его по плечу. — Мо Сяобай, поверь, даже если твой брат решит бросить своего отца, он ни за что не бросит тебя, мелкий ты негодяй!

Сяобай гордо хмыкнул. Эти слова явно пришлись ему по душе, и он немного успокоился. Е Вэй продолжила:

— Мо Сяобай, старший мог выпуститься еще три года назад, если бы не беспокоился о тебе! Ты только что кричал, что хочешь уйти? Прекрасно, я разрешаю! Как только он очнётся, я скажу ему, что его братец оказался никчёмным, что он зря потратил на него столько сил и лет! Проваливай прямо сейчас! Иди куда хочешь, проваливай подальше и больше не попадайся нам на глаза!

Сяобай замер.

Мама права. Если он уйдёт сейчас, то уже никогда не вернётся. И тогда все труды старшего пойдут прахом.

Его способности были самыми слабыми среди братьев, и с самого детства всему — от первой стойки на мавашах до стрельбы — его учил только старший. Всё, чего он достиг, было вложено старшим, который терпеливо, раз за разом, поправлял его ошибки.

Он не мог уйти. Не мог сдаться на полпути. Не мог подвести старшего.

Сяобай мучился невыносимо. Сердце словно разорвали пополам: одна часть отчаянно рвалась в Рим, а другая была прикована к этому месту. Эти половины терзали друг друга, причиняя такую боль, что дрожала сама душа.

— Мамочка... — спустя долгое время тихо прошептал он. — Можно... можешь ли ты дать мне выходной?

Е Вэй прищурилась:

— Ты в первый день в лагере? Лёгкие ранения не повод для отдыха. Вот когда будешь при смерти и не сможешь встать с кровати, тогда, может, и подумаю!

Сяобай опустил голову, в глазах стояли слёзы. Ши И, не выдержав, подошла и утешила его:

— Сяобай, не волнуйся. Как только старший очнётся, я попрошу его приехать к тебе!

Сяобай резко поднял голову, не веря своим ушам. Ши И мягко добавила:

— Сяобай, если он очнётся, ему даже не нужно будет говорить — он сам первым делом прилетит сюда!

Мо Сяобай немного успокоился. Мо Чэнь подошёл и спросил:

— Мамочка, а когда я смогу выпуститься? Я хочу вернуться и помочь старшему!

Ши И бросила взгляд на Сяобая и спросила Чэня:

— Что сказал старший? Когда он хотел, чтобы ты уехал?

Мо Чэнь глухо ответил:

— Старший велел мне ещё побыть с Сяобаем.

— А мне не нужно, чтобы ты был со мной! — снова вспыхнул Сяобай. — Возвращайся и поменяйся со старшим! Я хочу, чтобы старший был со мной!

— Если бы не ты, старший бы не уехал! — обиделся Мо Чэнь. — Мо Сяобай, я что, плохо к тебе отношусь? Почему я тебе так противен?

— Хм! — Сяобай надул губы. — В любом случае, ты мне не нужен! Проваливай в Рим и верни мне старшего!

Мо Чэнь едва не расплакался. Он не знал, радоваться за старшего или плакать о себе. Он помнил, как одно время Сяобай боялся холодного взгляда старшего и постоянно лип к нему, играл с ним. Когда же всё изменилось?

Он повернулся к Ши И:

— Мамочка, видишь? Сяобай не хочет, чтобы я был рядом, а мне давно пора выпуститься. Пожалуйста, организуй мой выпуск!

— М-м, подождём, пока старший очнётся.

Сяобай хотел было что-то возразить, но Е Вэй отрезала:

— Мо Сяобай, ты думаешь, это игра? Сказал — поменялись? Выпустился — значит, покинул лагерь, никаких «поменяться обратно» не существует! Всё! Оба марш спать!

Сяобай проглотил слова и поплёлся в казарму.

Лэй доставил Мо Яо в Рим уже под утро. В самолёте он оказал первую помощь: огнестрельное ранение было в левой руке, не смертельно, но из-за падения с высоты в воду и долгого пребывания там рана начала гноиться.

В римском замке «Ветер», «Облако», «Гром» и «Молния» ходили хмурые и встревоженные. Организм старшего был невероятно вынослив, он никогда не болел, унаследовал часть способностей Ши И, задания выполнял играючи и никогда не был ранен. Почему же теперь, при таком несложном задании, он впал в кому?

Четверо стояли по углам гостиной, как стражи, и нервно мерили шаги, опустив головы. Никто не мог понять причины.

Спустя два часа врачи, Фейла и Роберт, наконец вышли. Четверо стражей тут же окружили их. Лэй спросил:

— Ну что? Когда старший очнётся?

Врачи отпихнули назойливые головы:

— Максимум через сутки. Второй господин Мо сейчас с ним.

Врачи ушли. Услышав, что старший будет жить, четверо немного выдохнули, но тут же напряглись: второй господин Мо? Мо Цзюэ? Сидит со старшим?

Все четверо синхронно посмотрели в окно: не красный ли дождь там собирается?

Мо Цзюэ вышел из комнаты Мо Яо, полностью проигнорировав испуганные взгляды четвёрки, и, не глядя по сторонам, направился в свою комнату.

«Облако» догнала его и дрожащим голосом спросила:

— Второй... второй господин? Как старший?

— Не сдохнет! — бросил Мо Цзюэ, не оборачиваясь.

— Эх, — вздохнула «Молния», — спина второго господина Мо по-прежнему чертовски хороша!

Трое тут же повернулись к нему, глядя как на чудовище.

«Молния» вздрогнул и обхватил себя руками:

— Чего вы на меня так смотрите? Разве вы не находите, что бессердечность Мо-третьего очень похожа на отцовскую? Только такой... — он понизил голос до шёпота, — ...чудак, как второй господин, мог породить такого урода, как Мо Сяобай!

«Облако» возмутилась и ткнула пальцем в «Молнию»:

— Чем это Сяобай урод? Маленький господин такой замечательный, красивый, милый, обаятельный, все его любят!

— Бабы сказки! — «Молния» закатил глаза и сел.

— Тьфу! Сам ты баба! И вся твоя семья бабы! Ты просто завидуешь третьему господину! Урод!
— «Облако» накинулась на него с руганью.

— Я завидую ему? — «Молния» насмешливо улыбнулся. — Да, завидую. С самого рождения у него есть старший, который глупо охраняет его, потакает его невежеству, ждёт ответа, которого никогда не получит!

«Облако» замолчала. «Молния» добавил:

— Помяните моё слово, это ранение старшего — дело рук Мо Сяобая!

«Молния» был преданным фанатом Мо Яо. Старший был для него богом, спасителем. В его сознании любой, на кого пал взгляд старшего, должен был благодарить судьбу, но этот Сяобай — просто идиот.

«Молния» с детства не жаловал Сяобая. Он считал, что никто не достоин старшего, а Сяобай и подавно. Но раз уж старший выбрал его, тот должен был тихо и покорно служить ему.

А вышло, что Сяобай не только не покорен, но ещё и постоянно заставляет старшего страдать. «Молния» не мог выносить, когда такой могучий человек испытывает хоть каплю боли, поэтому и невзлюбил Сяобая ещё сильнее.

Четверо притихли. «Облако» тихо проговорила:

— Третий господин ещё мал. Со временем... он обязательно поймёт, как дорог ему старший.

«Молния» лишь усмехнулся и покачал головой.

Зайцы, когда вырастают, перестают есть траву?

<http://bllate.org/book/22270/2331510>